УДК 94(47)

ББК 63.3

DOI 10.30792/2222-9175-2018-29-34-45

Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

**ПРОБЛЕМА КОНСОЛИДАЦИИ РОМАНОВСКОЙ ИМПЕРИИ
И ВОПРОС О ЛОЯЛЬНОСТИ СИБИРСКИХ ИНОРОДЦЕВ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ**

В статье через призму изучения политики самодержавия по отношению к окраинам Российской империи вообще и к Сибири, в частности, рассматривается вопрос о способах и методах воспитания политической лояльности сибирских инородцев Романовской империи. Проводится компаративный анализ этих мероприятий на примере политики стран Западной Европы и США в отношении колоний. Авторы отмечают, что строжайшей правительственной политики в отношении инородцев была всеобъемлющая инкорпорация народов Сибири в административную, экономическую и социокультурную систему России, что, по мнению императорского Петербурга, должно было способствовать воспитанию политической лояльности сибирских инородцев романовской династии. Отказ от этой политики в начале XX в. предопределил активное участие народов Сибири в революционных событиях.

Ключевые слова: Россия, окраины, Сибирь, инородцы, правительственная политика, политическая лояльность.

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

**THE PROBLEM OF CONSOLIDATING THE ROMANOV EMPIRE
AND THE ISSUE OF LOYALTY OF SIBERIAN NON-RUSSIANS:
INTERACTION AND OPPOSITION**

In this paper using the methodological prism of tsarist absolutist policy towards the fringes of the Russian Empire, particularly Siberia, the authors examine what means and methods of nurturing political loyalty in Siberian non-Russians were used by the Romanov empire. The paper offers a comparative analysis of these activities on the examples of Western European and US colonial policy. The authors point out that a comprehensive incorporation of the Siberian peoples into the administrative, economic and sociocultural system of Russia was the kernel of governmental policy toward the non-Russians. In the opinion of imperial Petersburg it had to contribute to nurture of political loyalty to the Romanovs dynasty in Siberian non-Russians. Discarding of this policy in the early 20th century predetermined active participation of Siberian peoples in revolutionary turmoil that marked the beginning of the century.

Keywords: Russia, outskirts, Siberia, non-Russians, government policy, political loyalty.

Огромная территория Российской империи, составляющая в начале XX в. около 22 млн кв. км, сложилась в результате противоречивого процесса.

Для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов — от прямого завоевания до добровольного присоединения и под-

ДАМЕШЕК Лев Михайлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: levdameshkek@gmail.com.

ДАМЕШЕК Ирина Львовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и методики педагогического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: dameshkek@rambler.ru.

писания официальных документов. В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество или, например, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы. Не являются исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем откровенного насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на примере европейских государств, США и России, нельзя не прийти к заключению о том, что зачастую сложно разделить понятие экспансия как насильственное присоединение земель от мирной колонизации как прежде всего земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства. Поэтому колонизация – отнюдь не всегда насильственное завоевание. Исследователь истории российской имперской государственности Н. И. Цимбаев обоснованно отмечает, что российская колонизация – «это есть хозяйственное и культурное освоение новых территорий, включение народов там обитающих в орбиту влияния европейской цивилизации. Не случайно издавна наиболее чтимым святым на Руси был ... Никола Угодник, покровитель путешественников и торговцев» [2004: 15]. Однако несомненно, что способы приобретения тех или иных территорий государством оказывали немаловажное влияние на выстраивание впоследствии политической линии взаимоотношений «центра» и «периферии».

Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колонизацион-

ном движении присутствовали и экономические мотивы. Однако трудно не согласиться с авторами «Истории XIX века» под редакцией профессоров Лависа и Рамбо [1938], с российским историком Б. Н. Мироновым [2003: 19, 26–27], швейцарским исследователем А. Каппелером [1997: 21–22] и другими, которые хотя и по-разному, в принципе, выражают одну и ту же мысль: в российской внешней экспансии преобладали стратегические внешнеполитические, а не экономические мотивы. В то же время сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь политико-административное, освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, присущих «каждой стране на любом этапе ее истории» [Лависс, Рамбо 1938: 14]. Земли, вошедшие в состав Российского государства, характеризовались не только многообразием климата и ландшафта, но и разным уровнем хозяйственного освоения. Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями государства, вырабатывались правительством по мере их вхождения в состав России, упрочения власти и авторитета центрального правительства.

К середине XVIII в. доля населения России в Европе составляла примерно 18 %, к началу XIX в. она возросла до 22, к середине XIX в. – до 27, а к началу XX в. – до 32 %. По сути, каждый третий житель Европы был подданным российского монарха. Россия стала самым населенным государством континента. Народы России принадлежали к различным языковым группам, находились на разных ступенях развития, отличались вероисповеданием и психологией. Накануне крушения в 1917 г. в состав романовской империи входило около 200 больших и малых народов. На первом месте по численности находились русские – в 1915 г.

примерно 44,6 %, далее следовали украинцы – 18,1, затем поляки – 4,2, евреи и белорусы – 4 %. Как видим, в отличие от середины XVII в., когда русские составляли 95 % населения государства, в романовской империи к началу XX в. титульная нация оказалась в меньшинстве. Между тем включение в состав Российской империи территорий с иноязычным населением каждый раз ставило перед правительством не только проблему инкорпорации его в общую правовую и административную систему государства, но и осуществление задачи осмысления местным нерусским населением своего места в составе империи, прежде всего с точки зрения лояльности правящей в государстве династии [П]. Национальный вопрос был отнюдь не простым для российского правительства. Россию периодически сотрясали мощные национальные конфликты. С учетом того обстоятельства, что нерусское население в большинстве своем проживало на инкорпорированных в XVIII и XIX вв. окраинных и сопредельных с иностранными государствами территориях империи, проблема лояльности окраинных инородцев правящей династии становилась важным фактором политической стабильности.

Включение в состав Российской империи новых территорий с иноязычным населением каждый раз ставило перед правительством и обществом проблему осознания этих земель как частей земли Русской. Выделение этих территорий в предмет общественного сознания и особый сегмент правительственной политики неизбежно порождало вопрос о судьбах и будущем вновь присоединенных народов [Миронов 2003: 19]. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, мало или ничем не отличающиеся от обычно-

го крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и в соответствии с Конституцией США не считались гражданами государства. США, продвигаясь с востока на запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с запада на восток правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли. Первым и основным принципом окраинной политики на вновь присоединенных территориях стало сохранение существующего порядка землепользования, верований и культуры в целом. В качестве примера укажем на восток страны, где эти противоречия проявились в правительственном подходе по отношению к вопросам землевладения государства и коренного населения.

Со времени вхождения Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью. Правительственная позиция в отношении коренного населения определялась на первых порах фискальными интересами. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились сохранить значительную часть сибирских территорий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности – уплаты ясака пушниной. Когда в 1639 г. татарские жители волостей Ермолаевой, Колмаковой и других в Западной Сибири пожаловались государю, что «русские крестьяне ... поселились дворами своими на их землях», отняли пашни и покосы, а в «угодьях промышляют бобров, лисиц и соболей», местные воеводы не-

медленно «приняли сторону» иноверцев и обратились в Москву с просьбой «свести» русских крестьян с «иноверческих» земель, что и было сделано [Будинский 1889: 330–332].

Аналогичные принципы государственного подхода к «иноверческим делам» можно наблюдать и на Дальнем Востоке на примере действия там отряда Е. П. Хабарова в 1649 г. На Амуре Е. П. Хабаров, вместо того чтобы призывать «иноверцев» в русское подданство «ласкою и приветом», как требовали того царские инструкции от начальников всех отрядов землепроходцев, грабил, жег, насиловал и убивал. Именно поэтому в сентябре 1653 г. он был отстранен от должности прибывшим с инспекционной поездкой из Москвы дворянином Д. И. Зиновьевым, а новым приказным человеком на Амуре назначен О. Степанов [Артемьев 2001: 287]. Подобная практика урегулирования земельных конфликтов прослеживается на примере других территорий Сибири [История Бурятии. Т. 2: 37], в решениях Сибирского приказа XVII в. [Дамешек, Дамешек 2009], I и II Сибирских комитетов [Они же 2012: 12–40], иных властных органов конца XIX в. [Они же 2007; 2017].

В XVII в. для московских Романовых Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди». Правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами. Однако к началу XVIII в. **правильность такой политики** оказалась под сомнением. Соболев был почти повсеместно выбит, и у многих «иноверцев» охота стала превращаться в подсобное занятие. Интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда, до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом. В XIX в. попытки обеспечить приоритет

звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более что развитие в Сибири горной промышленности, начало массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали все возрастающий спрос на продукты земледелия. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь. Однако распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только экономическую, но и их социокультурную, ментальную инкорпорацию, а в конечном итоге приращение Сибири к России. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски.

В этом смысле проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались с задачей воспитания окраинных инородцев в духе преданности российской монархии, а в политическом плане были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу, политическую лояльность коренного населения императорскому Петербургу. Именно такую задачу колонизации Сибири видели современники, отстаивающие идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы

аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение на восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания англосаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно разнились между собой. Продвижение русских на восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. Воспитание во вновь покоренных народах чувства патриотизма к их новой родине, по мнению императорского Петербурга, было неотделимо от привития политической лояльности правящей династии и отнюдь не могло ограничиваться формальной присягой на верность русскому царю. Сибирь и ее население должны были превратиться в неотъемлемую часть России не только с точки зрения географической и политико-административной конструкции, но и в ментальном отношении.

Эволюция политической системы России в унитарное централизованное государство, где верховная исполнительная и законодательная власть принадлежала императору, не допускала иного толкования понятия лояльности. Однако методы достижения желаемого результата могли быть различными. Отмеченные выше особенности процесса присоединения Сибири к России, в отличие от политики западноевропейских стран и США в отношении вновь приобретаемых

территорий и их населения, предопределили иное развитие интеграционных процессов на востоке страны, основным содержанием которого стало всеобъемлющая материальная, духовная, своего рода ментальная инкорпорация новых земель и их населения в экономическую, государственную и политическую систему России.

В русской экспансии в Сибирь, в отличие от европейских стран – Англии, Франции, Голландии, Испании, аборигенный, демографический и территориальный факторы играли совершенно иную роль. Они не создавали у русского сибиряка состояния национального одиночества и дискомфорта. Именно поэтому русская и аборигенная цивилизации в Сибири не просто существовали и развивались параллельно, как, скажем, европейцы и индейцы на атлантическом побережье США, а как бы проникали, входили друг в друга. В Сибири русский человек отнюдь не ощущал себя за рубежом или за границей и домой в «Расею» вовсе не стремился, а Уральские горы, в отличие от Атлантического океана, не были пограничным рубежом и не создавали у русских сибиряков чувства оторванности от исторической родины. Именно эти особенности русской колонизации Сибири и определяли механизм разработки законодательства о коренных народах, что отчетливо прослеживается на протяжении XVIII–XIX вв. Несмотря на имевшие место изменения, на протяжении всего рассматриваемого периода стержневой линией правительственного законодательства является стремление глубже вовлечь народы Сибири в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. В то же время власти отчетливо сознавали абсурдность идеи полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства.

Независимо от способа и формы вхождения нерусских народов в состав Российской империи, каждый из этих народов принес в новое для него государство свой менталитет, культуру, ве-

роисповедание, сложившиеся формы судопроизводства и местного самоуправления. Бездумный мгновенный слом этого «юридического быта» народов и народностей не отвечал ни геополитическим, ни внутривнутриполитическим интересам Российского государства. Более того, он мог вызвать негативные политические осложнения во вновь присоединенном крае. К этому фактору всегда могли добавиться и нежелательные внешнеполитические обстоятельства, связанные с соперничеством держав в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Важно отметить еще и следующее. Если на западных национальных окраинах империи (Польша, Финляндия) создаваемая правовая система могла в известной степени опереться на европейские источники права, то на восточных окраинах государства правовая система регуляции жизни народов, находившихся на стадии родового строя, должна была быть иной. Именно поэтому империя на первых порах не только не ломала существующую у народов Сибири систему местного управления и самоуправления, но и стремилась интегрировать ее в создававшийся на окраинах механизм государственно-правовой власти.

Таким образом, законодательный механизм империи как бы впитывал в себя те законодательные системы, которые приносили с собой новые земли и народы. Сочетание этих двух тенденций имперской политики породило первые зачатки будущей модели административного устройства и управления аборигенами в виде указов графа С. Л. Владиславича-Рагузинского пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву от 22 июля 1728 г. и сенатской инструкции, данной за «высочайшим подписанием» лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву в 1763 г. [Дамешек 2013]. Обе инструкции ограничивали вмешательство русской администрации во внутривнутриродовые дела народов Сибири, предоставляли значительную самостоятельность родовым властям. В то же

время в этих документах прослеживается стремление правительства в своих действиях опереться на родоплеменную знать, а деятельность традиционных институтов самоуправления «иноверцев» подчинить интересам государства [II].

Впоследствии, по мере усиления инкорпорации народов Сибири в систему общероссийских государственных, экономических и иных связей, эти тенденции в административной политике империи в Сибири сохраняются. Подобная практика свидетельствует о понимании русскими властями в тот период невозможности полного подчинения народов Сибири действию общероссийского административного законодательства, стремлении учесть некоторые региональные особенности. Последнее хорошо иллюстрируется таким примером, как смена официального названия народов края. Если в XVII столетии это «ясачные иноземцы», т. е. люди, еще не окончательно вступившие в подданство России, то в XVIII и начале XIX в. это уже «ясачные иноверцы». В ходе разработки и проведения в жизнь известных сибирских реформ М. М. Сперанского в российское законодательство вводится в 1822 г. термин «инородцы», который вплоть до 1917 г. являлся официальным названием народов Сибири и закреплял за ними как за сословием определенные права и преимущества (например, освобождение от воинской службы). Разработанный М. М. Сперанским в 1822 г. Устав об управлении инородцев стал первым в России сводом комплексного регионального законодательства, предназначенного для одного из самых обширных регионов империи [III]. Он появился в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, регламентирующие права и обязанности населения и рассеянные в бесчисленном множестве указов. Устав имел ряд недостатков, на что в ходе его реализации не раз указывали сибирские чиновники различных рангов. Тем не менее этот закон вплоть

до конца XIX в. закрепил основные принципы административной, финансовой, национальной политики империи применительно к сибирским аборигенам. Он стал первым в империи опытом разработки и принятия свода законов, основанных на национальных традициях и особенностях народов Азиатской России. В своих основных положениях он был положительно воспринят абсолютным большинством коренного населения Сибири и их родовыми старшинами. Не случайно в начале XX в., когда правительство приступило к насильственной ломке положений Устава 1822 г., в национальных районах Сибири началось мощное национальное движение, вызванное, по справедливому замечанию Л. В. Кура-са, ростом политического самосознания коренных народов и ликвидацией прав на самоуправление [2016: 51].

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «инородцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс.

Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одно отличие колонизационной политики России по отношению к окраинам государства от колониальных империй Запада. На протяжении всего XIX в. наблюдается дальнейшее упрочение материального положения православной церкви в регионе. Ее наступательное движение сопровождалось многочисленными организационными перестройками в церковном управлении, ростом числа церквей и епархий. Если в 1840 г. в Си-

бири было 5 епархий, то к началу XX в. их число возросло до 11. В расчете на тысячу прихожан больше всего церквей было в Иркутской епархии, далее следовали Енисейская, Томская, Тобольская, Якутская. Распространение православия правительство рассматривало как важную составную часть общегосударственной политики по обрусению нерусских народов окраин империи, «приравнянию» их к основному крестьянскому населению империи. Архивные материалы и воспоминания современников событий свидетельствуют, что для большинства крещеных сибирских «инородцев» следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием. Не случайно во многих местах возникали целые деревни оседлых крещеных «инородцев», мало или ничем не отличающиеся от крестьянских сел. Однако вплоть до середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства ограничивалось, как правило, предоставлением вновь крещеным «инородцам» льгот по платежу ясака.

Во второй половине столетия государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разнообразной. В этом смысле важным шагом стало учреждение в 1870 г. в Москве Всероссийского православного миссионерского общества, отделения которого были созданы во всех сибирских епархиях. При афишируемом покровительстве со стороны высших светских и духовных властей наблюдается быстрый рост числа членов и денежных средств общества. К началу 90-х гг. в его рядах состояло около 10 тыс. членов, денежные средства исчислялись в 1300 тыс. руб. Это позволяло обществу координировать деятельность православных миссий, оказывать им значительную материальную поддержку. Хотя общество оказывало материальную помощь всем православным миссиям империи, тем не менее 50 % денежных ресурсов общества шло на содержание именно сибирских миссий. В начале XX в. на территории Сибири

постоянно действовало 8 православных миссий. Немногочисленными были северные Березовская и Туруханская миссии. Такие же миссии, как Алтайская, Иркутская, Забайкальская, наоборот, активизируют свою деятельность, растут их численность, упрочивается материальное положение.

Особенностью распространения православия во второй половине XIX в. стало введение практики богослужения на языках народов Сибири. В 1867 г. в Казани было основано Братство святого Гурия, имевшее целью перевод и издание на «инородческих» языках религиозных книг и агитационных брошюр, чему власти придавали большое значение. За годы своего существования братство и созданная при нем комиссия переводчиков во главе с Н. И. Ильминским опубликовали десятки религиозных воззваний. Этим же целям служили многочисленные попытки вербовки миссионеров из лиц местной национальности, обучение миссионеров языкам народов Сибири. В 1907 г. Синод официально разрешил проводить богослужения на «инородческих» языках. С целью активизации проповеди православия в Сибири получает распространение такая форма деятельности, как организация миссионерских станов – опорных пунктов православия, максимально приближенных к местам проживания аборигенов. Священники миссионерских станов освобождались от приходских обязанностей. К началу XX в. число миссионерских станов и служителей в них возросло более чем в два раза. Наиболее быстрый рост отмечался в Забайкальской епархии, что являлось следствием особой агрессивности православных иерархов по отношению к ламаизму.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства против традиционных верований народов Сибири проявилось в миссионерских съездах этого периода, в работе которых, как правило, принимали совместное участие высшие губернские власти и иерархи. Характерно, что на съездах

рассматривались не только чисто религиозные, но и общеполитические вопросы, связанные с проведением реформы землеустройства, управления, привлечением аборигенов к отбыванию воинской повинности, введением у них паспортного режима и другими аспектами политики империи в отношении аборигенов. Этим определялась и политика имперского государства по отношению к православной церкви, которая проводила наступательный, а подчас и агрессивный курс в отношении нерусских народов. В XIX в., как и в XVIII столетии, были нередки случаи насильственного крещения. Это приводило к тому, что большая часть крещеных аборигенов Сибири лишь формально относились к православию, сохранялось двоеверие. Неприятие народами Сибири догматов православия ярко проявилось в массовом отходе от новой религии в годы первой русской революции, что объективно было выражением социального протеста нерусских народностей против имперской политики, стремлением сохранить традиционные религиозные верования. Тем не менее политика христианизации местных народов как важнейшее средство их обрусения по-прежнему оставалась в центре внимания государства. В результате к началу XX в. большинство коренного населения губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Якутской областей было «просвещено святым крещением», в Иркутской губернии насчитывалось 60 тыс. бурят-христиан, примерно 30 тыс. бурят исповедовали шаманизм и столько же – буддизм.

На методы и формы распространения православия определенное влияние оказывали экономические процессы. Это предопределило переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным. На основе сопоставления церковной политики империи в Сибири с многонациональными районами Поволжья, Приуралья и другими мы приходим к выводу об идентичности основных устоев этой политики. В то же время в ряде случаев государственная по-

литика в церковных вопросах учитывала и некоторые местные особенности, что свидетельствовало о способности самодержавного государства к лавированию, стремлению найти оптимальные, с точки зрения имперских интересов, способы решения возникающих вопросов [Дамешек 2017а, б].

Одним из ярких появлений имперской политики в отношении народов Сибири конца XIX – **начала XX в. стал вопрос о привлечении сибирских «инородцев» к отбыванию воинской повинности.** В соответствии с Уставом об управлении инородцев народы Сибири освобождались от военной службы. Однако в конце XIX в. правильность этого положения оказалась под сомнением. Сторонники привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности исходили из тезиса о том, что эта льгота подрывает принципиальные основы лозунга «Россия для русских». При таком положении вещей русские крестьяне, отбывающие воинскую повинность, никакого преимущества перед аборигенами не ощущают, а у «инородцев» складывается неверное представление о мощи великой России. Следовало положить конец подобным разговорам и действиям, а всем туземцам дать понять, что курс в отношении их «держится отныне твердый и что им не уйти в недалеком времени от службы в русских войсках». Говоря о попытках привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, следует учитывать, что, провозгласив курс на полное слияние народов Сибири с русским крестьянским населением, правительство в данном вопросе проявляло сдержанность. Причины подобной нерешительности следует искать в факторах внутриполитического порядка. Об этом прямо заявил начальник генерального штаба русской армии А. Е. Генгрос. По его мнению, исторический опыт формирования туземных армий показал, что конечным результатом таких решений была необходимость расформировывать туземные войска, как только на данной окраине

обострялось национальное самосознание. Не случайно именно в это время в высших правительственных сферах возникла идея массового переселения забайкальских бурят во внутренние губернии империи, т. к. в назревающей войне с Японией они рассматривались как потенциальные союзники желтой расы. Разговоры о привлечении сибирских аборигенов к воинской службе возникли в связи с введением Устава о воинской повинности 11 января 1874 г. Однако тогда военный министр Д. А. Милютин выступил против проектируемых мер, признав их преждевременными. Тем не менее он признавал принципиальную важность участия аборигенов в воинской службе как одной из главных государственных обязанностей народов Сибири. Идея привлечения аборигенов к воинской службе, по мнению министра, имела и политический аспект – как объединяющее и цивилизующее начало. Таким образом, в основе возникшего замысла лежали не военные, а чисто политические мотивы.

В 1896 г. для рассмотрения этого вопроса была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева. В ее состав вошли высокопоставленные чиновники министерств: внутренних дел, императорского двора, военного, морского, финансов. Совпадение начала работы этой комиссии с принятием аграрных, административных и податных законов конца XIX в. является не случайным. Итогом работы комиссии Н. Обручева стало предложение о привлечении к отбыванию воинской повинности только оседлых и кочевых «инородцев» Тобольской и Томской губерний. Аборигенов Восточной Сибири предлагалось привлекать к военной службе лишь на основании специально разработанных узаконений. В январе 1902 г. военный министр А. Н. Куропаткин доложил о результатах работы комиссии Н. Обручева Николаю II, присовокупив к этому и личное мнение. Он заявил императору, что сам принцип дифференциации «инородцев» при отбы-

вании воинской повинности считает глубоко ошибочным. По мнению министра, к отбыванию ее следовало привлечь всех оседлых и кочевых аборигенов Сибири и Забайкалья, а конкретную разработку этого вопроса поручить Министерству внутренних дел, как ведомству, наиболее близко знакомому с положением дел в Сибири. Идея понравилась императору, и предложения министра были утверждены. Однако начавшаяся вскоре русско-японская война и революция 1905–1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на задний план. Правительство вновь вернулось к нему лишь в 1910 г.

Для вынесения окончательного суждения в Сибирь был направлен начальник Управления по делам о воинской повинности С. А. Куколь-Яснопольский. В секретном циркуляре на имя сибирских губернаторов П. А. Столыпин потребовал предоставить ему «все средства и возможности» для выполнения важного поручения. Также при изучении данного вопроса премьер советовал действовать осторожно и вообще соблюдать строгую тайну. Он опасался, что новые проекты могут вызвать массовые выступления народов Сибири, и без того недовольных проводимыми преобразованиями. Обоснованность опасений министра подтверждается и «вопросами для беседы», составленными С. А. Куколь-Яснопольским. Это было своего рода социологическое обследование, имеющее целью выяснить подлинное отношение «иностранцев» к перспективе привлечения их к отбыванию воинской службы, а заодно и политическую лояльность империи. Не случайно 7 из 20 вопросов были посвящены чисто военным сюжетам, остальные носили общеполитический характер. Автора программы обследования особенно беспокоило возможное проявление протеста аборигенов проектируемым мерам, формы, способы и сроки его проявления. К числу важнейших был отнесен вопрос о потенциальном поведении «иностродческого» войска в период внутренних кризисов и потрясений.

Поездка С. А. Куколь-Яснопольского по Сибири проходила по строго расписанному сценарию. В каждой губернии или области проводились конфиденциальные совещания. Круг участников этих совещаний был стереотипным – губернаторы и другие высокопоставленные чиновники. В целом сибирская администрация высказалась за привлечение аборигенов к отбыванию воинской повинности. В качестве обоснования необходимости этой меры послужило требование полного «приравнивания» сибирских «иностранцев» к русским крестьянам, ликвидации их сословной обособленности. В 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба была образована комиссия по пересмотру устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение «иностранцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно.

1 августа грянула Первая мировая война. Последовало распоряжение Комитета министров о реквизиции, в соответствии с которым сибирские аборигены подлежали мобилизации на тыловые работы. В первую очередь это касалось лиц возрастом от 19 до 31 года. В Чите, Верхнеудинске, Иркутске, Киренске, Красноярске организовывались специальные сборные пункты для аборигенов. К июлю 1916 г. на них скопились около 10 тыс. чел., однако эти места были совершенно не подготовлены к приему такого количества призывников. Там не было ни оборудованных казарм, ни кухонь и даже элементарных продуктов, не хватало обуви и одежды. Многие аборигены на сборных пунктах владели полуголодное существование. Однако на фронт аборигены так и не попали. Правительство признало невозможным перевести эту массу людей в район действующей армии. Император перенес мобилизацию на более поздний срок, и «иностранцы» были распущены по домам. Мобилизация коренного населения на тыловые работы началась летом

1916 г. В Якутской области по ходатайству товарищества «Лензолото» мобилизация якутов была отменена: их труд требовался самим золотодобытчиком. В остальных районах Сибири мобилизация аборигенов продолжалась. Поначалу они направлялись на работу в районы Сибирского заводского совещания. Это были Иркутский металлический завод, Черемховские каменноугольные копи, завод Томского товарищества кожевенного производства, фабрика Бородиных в Бийске, управление Томской железной дороги. К 1917 г. география размещения мобилизованных на тыловые работы аборигенов расширилась. Особенно много «инородцев» было направлено в Архангельск для работы на предприятиях Беломорского водного района.

Однако практика отправки сибирских аборигенов в районы, удаленные от мест их постоянного проживания, мало оправдывала себя. Условия их работы были крайне тяжелыми. Антисанитария, плохое, непривычное для этих людей питание приводили к массовым заболеваниям. Сотни людей бросали работу и бежали в родные места. Вместо идеи сближения и даже унификации сословий

мобилизация аборигенов на тыловые работы порождала у них убеждение неприятия политических устоев империи [Дамешек, Ремнев 2007: 221–224].

В конце XIX в. в противовес регионализму М. М. Сперанского на основе осуществления идеи необходимости единства Российской империи возникает замысел ликвидации сословия «инородцев» как такового. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав национального Российского государства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания. Основным содержанием их стали ясно видимые русификаторские черты. Принципиальные изменения правительственной политики по отношению к инородцам, связанные с усилением русификации как основного, по мнению правительства, средства воспитания политической лояльности породили своеобразный бумеранг в настроении коренного населения Азиатской России и вызвали его активное участие в бурных событиях 1917 г.

Примечания

I. Об окраинной политике самодержавия подробнее см.: [Административно-территориальное... 2003; Бахтурина 2003; Дамешек 2005].

II. Эти документы опубликованы в книгах [Булычев 1856; Сычевский 1875].

III. В связи с большим количеством работ, посвященных анализу Устава об управлении инородцев 1822 г., авторы считают возможным отослать читателя к наиболее значимым, с их точки зрения, новейшим исследованиям по этому вопросу и не повторять содержание документа. См.: [Дамешек и др. 2013; Дамешек 2016, 2017а, б].

Источники и литература

Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М.: Олма-Пресс 2003. – С. 169–202.

Артемьев А. Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVIII – 1860 г.) / А. Р. Артемьев // Русская Америка и Дальний Восток. Конец XVIII в. – 1867 г. – Владивосток, 2001. – С. 287–297.

Бахтурина Л. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и рациональная политика в годы первой мировой войны (1914–1917) / Л. Ю. Бахтурина. – М.: РОССПЭН, 2004. – 388 с.

Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. 1 [и единств.]: Якутская область. Охотский край / И. Булычев. – СПб.: Тип Императорской академии наук, 1856. – 298 с.

Бущинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников / исслед. П. Н. Бущинского / П. Н. Бущинский. – Харьков: Типография губернского правления, 1889. – С. 330–332.

Дамешек Л. М. Национальные окраины в системе внутренней политики самодержавия XVI–XX вв. / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // *Азиатская Россия. Проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.)*: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Новосибирск, 28–29 ноября. 2017 г.). – Новосибирск, 2017. – С. 381–387.

Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2005. – 264 с.

Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи XIX – начала XX в. / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек. – Saarbrücken: LAP Lambert Akademik Publishing, 2012. – P. 12–40.

Дамешек Л. М. Потестарные институты власти народов Сибири и их эволюция в административную систему империи в XVIII в. (к 280-летию со дня издания Инструкции пограничным дозорщикам С. Л. Владиславича-Рагузинского и 250-летия именного указа Сенату «Об отправлении капитана Щербачева в Сибирь...») / Л. М. Дамешек // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. – 2013. – № 2 (10). – С. 68–77.

Дамешек Л. М. Народы Сибири в административной системе Азиатской России XVIII – начала XX века / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – 230 с.

Дамешек Л. М. Сибирские реформы 1822 г. в отечественной и зарубежной историографии / Л. М. Дамешек // *Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVII – начало XX века)*. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017а. – С. 184–210.

Дамешек Л. М. Христианизация народов Сибири как составная часть окраинной политики Российской империи во второй половине XIX в. / Л. М. Дамешек // *Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв.*: сб. науч. трудов. – Новосибирск, 2017б. – С. 314–322.

Дамешек Л. М. Сибирь в составе Российской империи / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск [б. и.], 2009. – 389 с.

Дамешек Л. М. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 502 с.

Дамешек Л. М. Азиатская Россия в имперских устремлениях особых комитетов империи во второй половине XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. – 2014. – № 4(16). – С. 201–210.

История Бурятии. В 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 624 с.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / А. Каппелер. – М.: Прогресс; Традиция, 1997. – 343 с.

Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема. Первая четверть XX в. / Л. В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 252 с.

Лависс Эрнест, Рамбо Альфред Никола. История XIX века / Эрнест Лависс, Альфред Никола Рамбо; под ред. Е. В. Тарле. – М.: ОГИЗ, 1938. – Т. 1. – С. 14; Т. 6. – 994 с.

Миронов Б. М. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) 3-е изд., испр., доп. В 2 т. Т. 1 / Б. М. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 548 с.

Сычевский Е. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году / Е. Сычевский // *Чтения Московского общества истории и древностей России*. Кн. II. – М., 1875. – С. 32–36.

Цимбаев Н. И. Российская имперская государственность: к пониманию проблемы / Н. И. Цимбаев // *Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления*. – Воронеж, 2004. – С. 15–32.